Три года, а потом неважно

Posted originally on the fanfiction.lol at https://fanfiction.lol/works/1323.

Rating:	Teen And Up Audiences
Archive Warning:	No Archive Warnings Apply
Categories:	Slash (M/M), General (non relationship-focused)
Fandom:	Sherlock (BBC)
Relationships:	Jim Moriarty/John Watson, Sherlock Holmes & John Watson, Harry Watson & John Watson
Characters:	John Watson (Sherlock BBC), Sherlock Holmes, Harry Watson, Mycroft Holmes (Sherlock BBC), Sarah Sawyer, Jim Moriarty (Sherlock BBC)
Additional Tags:	Angst with a Happy Ending, Grief/Mourning, Post-Episode: s01e03 The Great Game, Not Season/Series 02 Compliant, Out of Character, POV John Watson (Sherlock BBC), POV Sherlock Holmes (Sherlock BBC)
Language:	Russian
Stats:	Published: 2011-05-06 Completed: 2011-05-25 Words: 4,099 Chapters: 7/7

Три года, а потом неважно

by Lucifer_is_my_pet

Summary

Шерлок Холмс и Джим Мориарти погибли, по версии следствия, упав в Рейхенбахский водопад, и Джон Уотсон остался один

Notes

Джон здесь страдает и, в сущности, ничего больше не делает

Chapter 1: I

Ну рано или поздно это должно было произойти. Два гения, стоящие по разные стороны закона. Классические антагонист и протагонист, Добро и Зло и «этот мир слишком тесен для нас двоих». Такие противостояния не заканчиваются братанием и обещанием позвонить на неделе. И — обязательно, по законам жанра — необходима финальная схватка, последний бой. Апофеоз, он же кульминация плюс развязка. А дальше возможны варианты.

Обо всём этот легко — хотя какое к чёрту легко?! — рассуждается спустя три года. Но тогда Джон Уотсон был слишком занят. Ему было не до типичных сюжетов мировой литературы и прочих искусств и тем более не до логических параллелей.

Он смотрел на грохочущую воду, бесконечным потоком стекавшую в бездну, и не мог собрать мысли воедино. Они метались по черепной коробке, возникая и исчезая, смешиваясь, не успевая оформиться. Джон отчётливо ощущал недоумение. *Это со мной происходит? Это не во сне? Их... нет? ОБОИХ?* Реальность била брызгами по лицу, придавливая своим немалым весом. Джон упал на колени, склонился над пропастью и начал кричать. Он кричал одно имя в шумевшую почти человеческими голосами пустоту, а когда сорвал голос, стал шептать другое, которое и раньше-то не смел произносить вслух лишний раз.

На плоском камне неподалёку лежал чёрный блекберри, рядом с ним — наручные часы. На экране телефона, когда Джон взял его в руки, высветилась прощальное неотправленное СМС. Прочитать его удалось только с третьего раза: буквы никак не желали складываться в слова и обретать смысл. Часы Джон с непонятным чувством поднял за металлический ремешок и долго-долго смотрел на циферблат с римскими I, V и X, словно тот мог дать ответ, рассказать, что же произошло. Ни следы, ни примятая трава не могли предоставить Джону, воображение которого наотрез отказывалось работать, если дело касалось места преступления, достаточно данных, чтобы сделать какой-либо однозначный вывод. Ну не толкались же они здесь, в самом деле? Часы мерно тикали у уха, Джон смотрел на воду. Вода, опять вода. Их познакомила та, голубая и пахнущая хлором, их разлучила эта — громкая, в вечном движении.

Вернувшись в Англию, Джон собрал свои вещи и в тот же день съехал с Бейкер-стрит 221б. Гарри, увидев брата на пороге, ахнула что-то вроде «Бог мой, ты постарел, Джон». Он, смеха ради, глянул в зеркало: оттуда на него мрачно посмотрел не то смертельно больной, не то без пяти минут самоубийца с посеревшим лицом и выцветшими, пропитанными безнадёжностью глазами. «Ты потерявшаяся собака, Джон Уотсон», — сказал Джон сам себе и похромал в кухню, откуда доносился звон бутылок — Гарриет спешно выкидывала все свои заначки.

На следующий день приехал Майкрофт, чтобы позвать на похороны. «Я не буду прощаться с пустой коробкой», — сказал Джон и закрыл дверь. Тем же вечером он обнаружил в кармане куртки забытые блекберри и часы. Позже в его блоге

появилась длинная, закрытая для комментариев запись, главную мысль которой выразила последняя строка — «Прощай, Шерлок».

Отсидев неделю дома, Джон вернулся на работу в больницу. Вопреки ожиданиям, там у него получилось от всего абстрагироваться, хотя изредка он поглядывал на дисплей своей нокии, ожидая, что вот-вот чирикнет входящее СМС. У него так и не поднялась рука удалить контакт «Шерлок».
По ночам Джон лежал на расправленном диване и, положив ладонь на грудь, слушал, как бьётся абсолютно живое, но обезвоженное, скукожившееся по ощущениям сердце. И если тоску по Шерлоку можно и не нужно было объяснять, то тоска по Джиму сыпала на открывшуюся рану какую-то совершенно невероятно острую смесь, где соль была самым безобидным ингредиентом. Джон ругал себя последними словами, пытался разобраться, пытался оправдаться перед самим собой. Тщетно. За те годы, что он прожил с Шерлоком под одной крышей, отношения с Джимом из нечаянной, нежеланной связи превратились в наваждение, а из него в нечто, названия, судя по всему, не имевшее и анализу не поддающееся.

С Шерлоком они делили квартиру, быт и расследования. С Джимом они делили постель и... все? Но ведь всё было не так. Не так просто, не так глупо.

Называть готовность умереть друг за друга неброским «дружба» и вот это почти неслышно обронённое «Ломать тебя, не переломать» банальным «секс»? Джон хватался за голову, ища нужные, правильные слова, и не находил. Возможно, мешало чувство вины. За что, перед кем? Перед Шерлоком за связь с его главным противником. Кто кого и у кого увёл? Джим — друга — у Шерлока? Джон — врага — у Шерлока? Их нездоровые, полные нервного ожидания отношения не вписывались ни в одну из существующих схем, не подходили ни под один шаблон. «Джим и шаблоны», смешно. Так же, как и «Шерлок и шаблоны».

На двух гениев нарвался, на обоих подорвался — у Джона полдня дёргался уголок глаза, когда в голове возникли сами собой эти строчки. Ситуацию они описывали едва ли не в полной её безысходности.

Chapter 2: II

Chapter Notes

See the end of the chapter for notes

Сказать по правде, Джон неплохо справлялся. По-прежнему усердно работал, в запой не уходил, кажется, окончательно помирился с сестрой. Первое время, правда, у неё появилась привычка спрашивать «У тебя точно всё в порядке?», а окружающие смотрели так, словно он был призраком. Впрочем, кто знает, насколько они были далеки от истины.

Увы, заняться чем-то более серьёзным, чем терапевтической деятельностью, не позволил вновь обнаруживший себя тремор. Напоминал он о себе редко, в основном, по вечерам (обычно тогда разбивалась тарелка или кружка лишалась ручки), но самим фактом своего существования ставил на перспективах доктора Уотсона жирный крест. И трость, конечно, спустя годы легла в руку, как будто и не расставались. Признавать, что с ней удобнее, как и в первые дни после возвращения из Афганистана, было унизительно, делать вид, что можно обойтись без неё — глупо. Никому не охота упасть посреди улицы от воображаемой боли.

Некоторое время он подумывал снова отправиться в Афганистан, не важно, в каком качестве, испытывая смутную надежду, что психосоматические проблемы там исчезнут, а все прочие — отойдут на второй план. Но Гарри, услышав за ужином сказанное почти в шутку предположение, нахмурилась и отставила тарелку. «Джон», — произнесла она, — «ты же сразу полезешь под пули. Я не пущу тебя туда».

Однажды Джон увидел своё отражение в витрине и поразился. Нет, былой безнадёжности в глазах, по крайней мере, на первый взгляд, не осталось, но губы, сжатые в упрямую прямую вместе с морщинками придавали лицу отнюдь не самое радостное выражение. Для полноты образа недоставало разве что щетины, и, глядишь, начнут жалеть совершенно незнакомые люди. Спасибо Гарри, что за внешним видом его следила, а то ведь совсем перестал обращать на себя внимание.

Несколько раз, когда он впадал в задумчивость, ноги сами несли его на Бейкер-стрит после работы. В такие дни Джон становился особенно неразговорчив, сидел и вертел в руках трость, сурово глядя куда-то сквозь стену.

Стремясь заполнить образовавшуюся брешь в виде свободного времени, Джон увлёкся кулинарией. Раз в неделю из квартиры Гарри доносились полуэкзотические аппетитные запахи: новому хобби Джон отдавал много сил и терпения. Найти общий язык с приправами, овощами и мясом оказалось делом не столько сложным, сколько хлопотным, и проблема, как организовать свой досуг, таким образом, отпадала.

По прошествии полутора лет он всё-таки навестил могилу Шерлока. Даже цветы принёс. Две бледные хризантемы легли на плиту с высеченной латынью. *Feci quod potui, faciant meliora potentes.*[1]

— Какие преступления ты там расследуешь, Шерлок? — тихо спросил Джон у неба. Рай для Шерлока, а он не мог туда не попасть, должен был, по мнению Джона, быть полон нераскрытых тайн, загадочных происшествий, возможно, с трупами. Ни о каком успокоении речи идти не могло. Слишком бунтарской была душа и натура Шерлока, да и, в конце концов, имел же он право на персональный рай?

О том, какая участь постигла душу Джима, Джон старался не задумываться. Потому что его собственная от таких размышлений начинала ныть, как кости обладателя ревматизма перед грозой.

Вообще любое воспоминание, мало-мальски с Джимом связанное, отзывалось внутри тупой продолжительной болью и почему-то до сих пор — стыдом. Как можно было позволить себе поддаться совершенно абсурдному импульсу, пойти на поводу у *любопытства*? Как можно было терять контроль от голоса, от жестов, от редких в своей искренности улыбок? А может, безумие передаётся половым путём, и он был обречён уже после первого раза? Обладатель поистине дьявольского обаяния вскружил ему голову, а, раскружив основательно, открутил и полез внутрь, по привычке не особо церемонясь с владельцем препарируемых органов.

Что у них было общего? Разве что «Дж» в начале имени. Их миры вообще бы не пересеклись, если бы не один настырный детектив. Сказать, благодарен он Шерлоку за это или наоборот, Джону сказать отчего-то до сих пор было сложно.

Chapter End Notes

[1] Я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.) [вернуться]

Chapter 3: III

Ну да, человек способен привыкнуть ко всему. Джон Уотсон привык к сестре-лесбиянке. Привык к свисту пуль, взрывам и виду оторванных конечностей. Привык носиться по Лондону не от, а за. Привык слушать шёпот в лопатку и дожидаться серьёзного взгляда вечно беснующихся карих глаз. И, наконец, привык существовать без всего этого (разве что сестра осталась прежней). По логике жизнь Джона продолжалась: он дышал, ходил питался и совершал остальные, свойственные живым организмам действия. Джон послал к чёрту логику на пару с биологией. Он находился в процессе жизнедеятельности, на пути к смерти. Волосы его постепенно поседеют полностью, а, возможно, и выпадут. До выпадения зубов Джон надеялся не дожить. Он никогда не считал себя пессимистом, но что-то подсказывало, что шансы всё-таки наполнить своё пустое нутро новой привязанностью, любого свойства, весьма и весьма невелики. Ещё не появилось желания, ещё не отсохли старые.

Прошло два с лишним года. Джон не следил за временем, оно тащило его на себе, как черепаха. Огромная, ленивая, ко всему индифферентная рептилия везла его по жизни. Кажется, тоска отступила. Он снова искренне смеялся, шутил уже не с такой горечью и почти полюбил свою трость: однажды она даже помогла ему проучить наглого грабителя. Во всём снова находились плюсы. Можно было хоть завтра открывать своё кулинарное шоу или начинать писать мемуары. Кошмары о войне и водопаде практически не беспокоили. Адреналин? Уронил нож во время нарезки морковки — такими были теперь его острые ощущения.

Вместе с осознанием чувства привычки пришло ещё одно — смирение. Если бы Джон остался совсем один, оно вскоре стало бы отчаянием, но присутствие сестры во многом помогало, если не сказать спасало. Он смирился с двумя фактами, а, соответственно, и со всеми их следствиями. Смерть Шерлока и Джима. И сам Джим. Само его имя, казалось, вбирало в себя всю ту свистопляску эмоций, ощущений и впечатлений, к нему относящихся. Собственно, Джон смирился с тем, что тот занял в его душе какую-то особую нишу, и даже после смерти покидать её не собирался. Упрямый ублюдок.

Личная жизнь Гарри тем временем налаживалась. Начавшиеся ещё в прошлом году и ставшие очень частыми свидания, совместные обеды и ужины привели к «Сегодня я переночую у Дороти», а затем и к «Знаешь, я подумываю оформить наши с ней отношения... официально». Останавливал её только по-прежнему стойко одинокий брат. Оставлять его одного Гарри очень не хотелось. Однако Джону удалось убедить её, что вполне сможет снимать квартиру один (Гарри просто регулярно бы вносила часть квартплаты). «В крайнем случае, заведу собаку», — пообещал он, помогая сестре паковать чемодан.

На новоселье — а Дороти и Гарри, не теряя времени даром, через полгода приобрели новое жильё — Джон впервые за долгое время выпил. Выпил лишнего. Слегка протрезвел он уже возле двери с ничуть не изменившимися 221б. Окна второго этажа не горели: миссис Хадсон заявила, что никогда больше не будет сдавать эту квартиру

и держала обещание. За все три года Джон был здесь раз пять. Он так и не вернул блекберри Шерлока. А Майкрофт то ли забывший про такую незначительную вещь, то ли позволяя оставить хоть что-то в память о брате, не требовал телефон назад.

Джон постоял под окнами дома, спокойно вдыхая и выдыхая вечернюю прохладу, не мешая всколыхнувшимся событиям прошлого мелькать перед внутренним взором, затем развернулся и, чуть не сбив с ног полноватого мужчину с сердитым голосом, зашагал прочь.

Chapter 4: IV

Весна в Лондон в этом году пришла точно по календарю. Всё вокруг дышало ею: ставшие разом яркими дома и улицы, вывески, стряхнувшие зимнее оцепенение люди, само небо, словно умывшись облаками и насытившись голубым, стало совсем уж глубоким. Джон на всю разворачивавшуюся вокруг суету только фыркал, предвидя волну чихающих и сморкающихся пациентов. Волна не заставила себя долго ждать: люди стремились снять поскорее надоевшие пальто и облачиться лёгкие в куртки и плащи, но застревали где-то между и, конечно, простужались под холодным ещё ветром.

В один из особо солнечных дней к доктору Коллинз — в девичестве Сойер — подошла одна из медсестёр и сообщила, что доктор Уотсон уже целых полчаса не принимает новых пациентов и что из его кабинета слышали какой-то шум. Когда Сара подошла к двери, слегка виновато улыбаясь кашляющей очереди, оказалось, что кабинет заперт.

— Джон? — она настойчиво постучала. — Джон, ты в порядке?

— Всё хорошо... Прошу прощения, я сейчас же продолжу работу, — раздалось из кабинета.

Джон повернулся к сидящему напротив Шерлоку, надеясь, что голос его звучал как обычно.

Эксцентричный во всём, Шерлок даже из своего возвращения умудрился сделать трагикомедию в одно действие. Явился переодетым к Джону на приём (он почему-то сразу узнал джентльмена, с которым столкнулся на Бейкер-стрит не так давно), без слов скинул парик и накладную бороду, стёр часть грима. У того пропал дар речи и перед глазами на несколько секунд потемнело от сильнейшего потрясения. Он стоял, вцепившись в стол, глядя то на восставшего из мёртвых друга, то на привычные стены и шкафчик. Реальность перевернулась с ног на голову, а причина смотрела на Джона в упор взглядом, о пронзительности и сканирующей способности которого он почти позабыл.

— Ты удалил блог, — произнёс фантом.

— Два года назад, — бесцветным голосом отреагировал Джон, вздрогнув.

— Ты похудел.

— Помогал Гарри с переездом и ремонтом, — пожал он плечами и наконец смог заставить себя отпустить стол.

— Я хотел написать, — тихо сказал Шерлок и обрел плоть: Джон стиснул его в объятиях. — Но это бы погубило... нас обоих.

— Я понимаю, — на спину ему осторожно легли руки Шерлока.

— Мне... — он сглотнул и чуть приподнял голову, как делал всегда, — мелькнуло у Джона в голове — когда говорил что-то простое и по-человечески важное, — мне тебя не хватало.

Потом последовал рассказ о том, как Шерлоку повезло не упасть в водопад, как его чуть не пристрелил кто-то из приспешников Мориарти — пришлось инсценировать смерть, как он колесил по континенту и летал в Америку, с помощью Майкрофта уничтожая сеть, которой оплёл мир этот ненормальный ирландец.

Как раз под окончание повествования в дверь постучала Сара, напомнив Джону об остальных людях, нуждавшихся в его консультации.

Блекберри перекочевал из внутреннего кармана куртки Джона к владельцу.

— Сегодня, — глаза Шерлока загорелись, значит, новая игра, значит, всё уже готово, — планируется небольшой спектакль. Тебе билет в первый ряд, активность зала приветствуется. Я буду ждать в коридоре, твоя смена как раз скоро заканчивается.

Джон хмыкнул, в груди потеплело от, казалось, навсегда для него утерянного предвкушения чего-то невероятного, обязательно связанного с криминалом и, нет же, совсем даже не весёлого.

Chapter 5: V

Лицо Себастьяна Морана выражало разве что досаду по поводу ошибки, не более. Даже на полные — как будто не прошло трёх лет — чувства превосходства высказывания Шерлока, он никак не реагировал, спокойно ожидая, когда его арестуют по всем правилам. Профессионал, что тут ещё скажешь.

Джон знал Морана. А Моран, в свою очередь, знал раньше, по каким дням лучше не соваться на квартиру к шефу ввиду *личной занятости* последнего. И, глядя на то, как на руках полковника застёгиваются наручники, Джон ни с того, ни с сего ощутил непонятную тревогу. *А вдруг расскажет?* Но разве имело это теперь хоть какое-то значение? Нет, абсолютно никакого.

Да и что он мог рассказать, если серьёзно? Числа, адреса, количество часов? Безликие буквы и цифры, они не могли создать хотя бы отдалённое представление о происходившем и между, и внутри, и — всегда — вопреки.

Потому что невозможно было создать его и обычными словами. То, как смотрели они друг на друга поначалу: не отводя взгляд, будто играя в бесконечные гляделки, будто разговаривая глазами, утратив голосовые связки, будто высасывая души через зрачки. То, как они целовались (а Джон практически всегда начинал первым): зло, жадно, кусая губы напротив, стукаясь зубами, как если бы спорили о чём-то до хрипоты. То, как полноценный секс случился только в пятый раз, до этого они просто-напросто изводили друг друга сердитыми ласками, не в состоянии решить, кто же будет сверху.

Это было не просто ненормально. Это было ненормально в десятой степени, помноженное на сдвиг по фазе. Потому что нельзя, будучи адекватным, ловить каждое движение даже не пальцев — ресниц. И ведь дело было не в том, хотя поначалу казалось, что именно в том, что консультирующий преступник и друг детектива, отважно ставшего у него на пути, сошли с прямых рельсов, проложенных поколениями подобных столкновений, скатившись куда-то в яму небезызвестного «В постели с врагом». То, что действительно было важно и беспокоило, как ни странно, обоих, крылось в самой причине, в вопросах «Почему?» и «Каким образом?» Заинтересовался человеком, хладнокровно придумывающим изощрённейшие способы шантажа, краж и убийств? Да как это так? Откуда это взялось? Вопросы по мере всё уменьшавшейся в них заинтересованности превратились в риторические. А может, нашёлся ответ, который за ненадобностью и бесполезностью был тут же забыт. Или, что скорее всего, он, этот ответ, сидел в подсознании, никак своё присутствие не афишируя, но сигнализируя, что его поиски можно прекратить.

К тому же, взамен старых появились новые, более актуальные вопросы, касавшиеся предпочтений в еде и привычек Джима. Сам он ничего подобного рассказывать бы не стал, приходилось собирать нужную информацию по крупицам во время редких встреч.

Правда, сейчас от этих не желавших стираться знаний вечерами становилось паршиво.

Всё пройдёт, пройдёт и это — утешал себя Джон.

— Ну, что же, я к себе — сказал он, когда Морана увели, а Лестрейд, увидев Шерлока, закончил радостно охать. Шерлок странно дёрнулся.

— Ты ведь... вернёшься? — спросил он, разглядывая воротник куртки Джона. Тот не стал уточнять, о чём речь, всё и так было понятно без лишних слов. Как раньше.

— Думаю, да, — улыбнулся Джон, и на лице Шерлока расцвела ответная улыбка.

Chapter 6: VI

На Бейкер-стрит было... странно. За три года Джон частично забыл, как выглядит его, теперь снова его, квартира. На каминной полке его встретил череп.

— Привет, дружище, — пробормотал Джон, беря его в руки и сдувая пыль с костяной макушки.

Перенося вещи в свою комнату он со спокойным удивлением отметил, что ощущает себя в своей тарелке. Смайлик и какое-то древнегреческое словечко на стене в гостиной, колбы, реторты и мензурки рядом с блюдцами и чашками, что-то непонятное, явно не говядина, в морозильнике, хлопочущая миссис Хадсон и множество других мелочей встали в его сознании на место, как давно потерянные шестерёнки от часов.

Постепенно Джон привыкал к этой когда-то обычной для него жизни, однако от трости отказываться не спешил: некоторые вещи было уже не исправить адреналиновой встряской. Новый блог он заводить не стал, о новых расследованиях, которые не заставили себя долго ждать, стоило Шерлоку официально «воскреснуть», писал в текстовом редакторе и сохранял на винчестер.

Моя новая старая жизнь — думал Джон, получая на работе сердитые СМС с чужого номера и потому подписанные «ШХ», сообщавшие, что некоторых людей ничто не изменит, и после них совершенно невозможно осматривать место преступления.

***

Однако любой мало-мальски наблюдательный и знавший Джона в прежние годы человек заметил бы, что состояние его было далеко от спокойствия и умиротворения. Того самого умиротворения, которое царило в гостиной квартиры 221б по вечерам, не важно, расследовал Шерлок что-нибудь или нет. Джон стал куда менее разговорчив, хотя и раньше никто не мог бы назвать его болтуном. Он часто прерывался на полуслове, прислушиваясь к себе, вспомнив что-то или просто передумав развивать выбранную тему. В свободное время он часто стоял у плиты, пробуя новый рецепт, пальцы его были полосаты от царапин, но когда Шерлок обратил на это его внимание, Джон только пожал плечами. Не сидеть же теперь сложа руки.

Шерлок вообще на многие перемены в Джоне обращал внимание, хотя предположениями и выводами с другом не делился. Началось всё с того, что Джон из-за нескольких «выпаданий из реальности», после которых он становился мрачен и угрюм, перестал заваривать чёрный чай, перейдя на зелёный. Следующим пунктом в списке стала бессонница. Что-то тревожило Джона некоторыми ночами настолько сильно, что он ходил по комнате, как подозревал Шерлок, бесцельно переставляя вещи на полках и тумбах, и выкуривал строго одну сигарету. События прошлого не давали ему покоя, мешали полностью адаптироваться к прежней жизни. Ему чего-то не хватало, чего-то жизненно важного. Или, что намного более вероятно, кого-то.

Шерлоку не нравилось направление, в котором двигалась его мысль, но противопоставить что-либо, кроме своего нежелания поверить, он был не в состоянии. Это злило его просто неимоверно, не один вечер скрипка выла вместо скрипача о том, что «Не может этого быть!»

Ситуация осложнялась тем, что ответ на вопрос не подразумевал решения. Можно было вертеть его так и этак, интерпретируя и меняя формулировки, проблема никуда не исчезала. От воспоминаний нельзя было избавиться (конечно, можно было попытаться скрыться от них хотя бы на время, но такой способ был чреват возникновением проблем куда более серьёзных). Кроме того, Шерлок был почти уверен, зная Джона, что тот сам не желал отпускать эти воспоминания, как бы они не рвали ему душу. Это тоже раздражало, ведь выходило, что Джон, в сущности, сам был повинен в своей неспособности жить настоящим, а не прошлым. Но Шерлок не понаслышке знал, что время лечит, в особенности раны такого рода, а потому был готов сколько угодно ждать полноценного возвращения их жизни на круги своя.

И, кто знает, быть может, он бы дождался, и стало бы возможным снова бежать за преступником, не оглядываясь на прихрамывающего коллегу, и чёрный чай вновь появился бы в их рационе. Но два месяца спустя, когда в Лондоне вовсю буйствовало майское лето, от Майкрофта пришло известие, которого Шерлок ждал практически с самого момента возвращения. Ждал и боялся.

Chapter 7: VII

Суета. Дурацкая бессмысленная суета добралась до Джона и вне работы. Из ниоткуда возник Шерлок, полчаса назад СМС-кой позвавший его сюда, сновали туда-сюда странно нервные копы. Небо затянуло тучами, ветер гонял пакет по улице. Джон немного растерянно оглядывался, не понимая, что он здесь делает, если, судя по настроению Шерлока и парней в униформе, миссия успешно выполнена. Внимание Джона привлекли окна дома напротив. Они были ярко-голубыми. Не рамы, а именно стёкла. Их словно выкрасили или... он обернулся — сзади после чётко видной границы небо было чистым и таким контрастным по отношению к пасмурной половине. Некоторое время Джон стоял, грустно думая, что зря не носит с собой фотоаппарат. Взгляд сам собой опустился ниже, и стало не до неба с его практически фотошопными выкрутасами. Потому что в нескольких метрах стоял. Мать его. Джим Мориарти. В наручниках.

Первой мыслью из промелькнувших в голове Джона была самоуверенная «Да я знал». Джим стоял неподвижно, смотря на него. Ветер ерошил и без того лохматые тёмные волосы. Одежда на Джиме была самая что ни на есть обычная: светлая рубашка (*Закатанные как всегда рукава, верхние пуговицы игнорируются.*), джинсы (*О господи, неужели те самые...*), чёрные ботинки (*Со странным рисунком на подошве.*).

Джон вцепился в трость, когда губы Джима медленно растянулись в улыбке (*Эта улыбка... Боже всемилостивый, это и вправду он*), а затем слегка вытянулись в беззвучном слове. Но кому нужен звук, если известно и так, как выглядит твоё имя на чужих губах. На *этих* губах.

«Джон». Джон почувствовал абсолютно иррациональное, на уровне забытого рефлекса желание кинуться, откликнувшись на зов. И зовущий понял его порыв, снова улыбнувшись.

И тут, пришло, не постучавшись и даже не предупредив заранее, понимание. Шерлок со всей своей социопатичностью, привычками, расследованиями и опытами превратился в своеобразную путёвку в приключения, в волшебный Лондон, полный не ведьм и оборотней, а изобретательных убийц и тайников, трагичных маньяков и замков, которые взломали или только предстояло взломать. Не вписанный в привычную систему ценностей Джим возвращал Джона в реальность. Раз за разом спускал с небес на землю. Резко, лицом об асфальт. И с парадоксальным упрямством он отвык бояться этой реальности.

Вот и теперь, когда Джон смог себя убедить, а следовательно почти поверил, в то, что снова полностью приспособится к такой жизни, научится не замечать назойливых воспоминаний, Джим оказался жив и спутал все карты. Некоторые люди совсем не меняются.

***

Шерлок, переводивший взгляд с одного на другого, тем временем находил подтверждения своим теориям, что приводило его в лёгкое отчаяние. Вопросы, важные и не очень, роились, выстраиваясь в змееподобную очередь, в сознании, порождая новые. «Всё-таки пришёл... Но не мог же он...? Или мог? Или специально попался?» Как и ожидалось, Джон сначала не поверил в то, что видит: едва заметно отшатнулся. На лице его отразились шок и испуг (за собственный рассудок, видимо), но их тут же сменило — о нет, нет-нет-нет-нет-нет, он не видит этого, нет — облегчение. И радость? Нет, для радости, Джон был слишком напряжён.

Шерлок повернулся в сторону Мориарти как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот улыбается Джону. Этот чёртик из табакерки, этот шут с замашками психа улыбался так, будто рядом с ними не было его, Шерлока, и двух десятков копов! У Джона сбилось дыхание. Шерлок выругался про себя и, собравшись было окликнуть его, заметил, как он немного подался в перёд, но замер, как глаза его расширились от осознания какой-то важной истины (для Шерлока, увы, недоступной), как мгновенно спало напряжение, и Джон, не улыбаясь и не издав не звука, словно бы засветился изнутри мягким ровным светом. Тем светом, который Шерлок видел в нём раньше. Приехали.

Очевидно, услышав недовольный выдох, Джон повернулся к нему.

***

— Как его поймали?

— На живца, — Шерлок смотрел так внимательно и оценивающе, что не осталось сомнений, кто же послужил «живцом».

Он знал. Ты чёртов идиот, Джон Уотсон, конечно же, он знал.

Сглотнув, Джон обернулся к Джиму. Казалось, тот не испытывал ни малейшего дискомфорта из-за скованных спереди рук, расслабленно застыв и созерцая полицейские машины.

Так, стоп. Какого хрена. Джим Мориарти не умер три года назад. А сейчас его арестовали. А Шерлок знал об их с Джоном связи. Предположительно, всё.

Джон хмыкнул, зацепившись взглядом за облака, в беспорядке раскиданные по небу.

Его жизнь снова летела к чёрту.

Ну наконец-то.

Please drop by the Archive and comment to let the creator know if you enjoyed their work!